

А. С. НЕВЕРОВ (1886—1923) — ПИСАТЕЛЬ «ПЕРЕХОДНОГО» ВРЕМЕНИ (ТРАДИЦИОННОЕ И НОВАТОРСКОЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖНИКА)

Г. А. Шпилева

Воронежский государственный педагогический университет

Д. А. Скобелев

Цзилиньский государственный педагогический университет (КНР)

Поступила в редакцию 1 августа 2018 г.

Аннотация: в данной статье будут рассмотрены поэтологические особенности прозы А. С. Неверова (показавшего дореволюционную деревню и изменения, произошедшие в послереволюционной России) в сравнении с некоторыми художественными данностями поэзии и прозы Н. А. Некрасова и Г. И. Успенского. Два выдающихся писателя, чьи творческие биографии также сложились в переходные эпохи, безусловно, оказали влияние на становление Неверова, пережившего войны и революции начала XX века.
Ключевые слова: деревенская проза, концептированный автор, типологические сходства, народные ценности.

Abstract: in this article poetological features of A. S. Neverov's prose (who depicted the pre-revolutionary village and changes that occurred in post-revolutionary Russia) in comparison with N. A. Nekrasov's and G. I. Uspensky's artistic entities of poetry and prose are considered. The two outstanding writers, whose creative biographies also developed at the time of transition, undoubtedly influenced Neverov's formation, who survived the wars and revolutions of the early 20th century.

Keywords: village prose, conceptualized author, typological convergence, folk values.

Творчество Александра Сергеевича Неверова (Скобелева) сегодня может быть отнесено к разряду «забытых и второстепенных», которые сейчас интенсивно изучаются литературоведами, но недостаточно востребованы читателями. Однако в своё время (1920-е гг.) это был один из популярнейших писателей Советской России, о нём с большим одобрением отзывались такие признанные классики литературы, как А. Блок, М. Горький, Ф. Кафка. Знаменитую повесть «Ташкент — город хлебный» анализировал выдающийся литературовед В. Б. Томашевский.

Что же привлекало современных Неверову читателей (и писателей) к его невесёлым (чаще всего) рассказам, повестям, драмам, где порой развивались трагические сюжеты из жизни деревенской бедноты, о тяжелейшем крестьянском труде, лишениях сельских учителей, болезнях и смертях детей?

Прежде всего, демократического читателя подкупала сама биография Неверова — внука крепостного крестьянина. Послужив «в должности мальчика в лавке купца, потрудившись в «мануфактурном магазине», будущий летописец «голодного Поволжья» в 1903 г. «ушёл пешком в село Озерки, чтобы продолжить ученье» [1, 9]. Через 2 года Неверов вышел оттуда учителем для церковной «школы грамоты». Так к крестьянскому жизненному опыту прибавился

преподавательский: работа в сельских школах, обитание в крошечных комнатках, нищенское существование на 10 рублей в месяц. При этом «небогатый» учитель отличался невероятным оптимизмом, страстью к чтению (среди любимых писателей — Пушкин, Некрасов, Г. Успенский, Чехов, Горький), был очень добр, щедр, отзывчив.

С наступлением Первой мировой войны Неверов был призван в армию, «его направили в 90-ю пешую дружину, которая стояла недалеко от Самары», «назначили писарем», затем «определили на фельдшерские курсы в Самаре». Жена писателя, Пелагея Андреевна, вспоминала о тяготах военной жизни писателя: «В казармах — теснота, грязь. Спать приходилось на полу. Муштра, грубость, издевательства <...> унтер-офицера» [2, 46].

В течение своей недолгой жизни Неверов трудился в редакциях самарских изданий, много и напряженно работал, читал, писал, его повести и рассказы рецензировали М. Горький, В. Г. Короленко. Последние месяцы жизни писателя прошли в Москве.

Революцию 1917 г. Неверов в конечном итоге принял с большой надеждой на улучшение жизни многомиллионного крестьянства, чьи беды были хорошо ему знакомы. Всё творчество этого писателя можно разделить на 2 периода: первый (ранний) — дореволюционный, и второй (послереволюционный), безусловно, отмеченный пафосом оптимизма.

Брат Неверова, П. С. Скобелев, так передаёт настроение своего родственника, наставника и друга: «На нашу долю выпало чрезвычайное счастье быть свидетелями и участниками величайших событий, жить в такое время и правдиво, без искажений и прикрас, отобразить в своих произведениях хоть частичку российской революционной действительности» [3, 88]. При этом не будем забывать, что Неверов был человек ранимый, писатель искренний и далёкий от конъюнктуры. В одном из своих писем он так отразил своё восприятие *новой жизни*: «Лично я — болезненный идеалист, человек тихий, кроткий, и все кровавые жертвы переходного времени во имя великого будущего меня страшно угнетают» [4, 379]. Как видно, Неверов действительно ощущал себя писателем *переходного* (очень жестокого) времени.

Новое время требовало новых форм, и, как известно, переходные эпохи являются «нероманными» — в фавориты выходят небольшие рассказы, очерки, фиксирующие сиюминутное, повседневное. Л. А. Финк, исследуя раннее творчество Неверова, отметил: «Он всегда (именно всегда — и в этом его особенность) писал о том, что только что происходило. Все его рассказы и очерки, даже повести и пьесы выстраиваются как бы в единый ряд современной истории, и писатель старательно фиксирует события, факты и фактики, детали, и подробно, словно он убеждён в том, что любая из них должна быть закреплена в слове» [5, 170].

Указанная поэтологическая особенность, на наш взгляд, генетически и типологически восходит к коренным чертам русской «натуральной школы» 1840-х гг. Подобно молодому Н. А. Некрасову-прозаику, который «ориентировался на «голую» действительность, убеждая читателя в правдивости изображаемого» [6, 31], молодой Неверов показывает статичную, застывшую в безрадостной повседневности жизнь «низов», например, в очерке «На вокзале» (впервые опубликован в 1918 г.): «В городе слышится благовест, разливаются унылый, тоскующий звон, а на железнодорожных путях свищут, пыхтят паровозы <...> группа чернорабочих разворачивает каменный уголь и грузит его на подводы. Тут же около них работают женщины с синими, перепачканными лицами. На губах и под глазами — угольная пыль... Из-под коротких растрёпанных юбок выглядывают красные «гусиные» ноги, привыкшие к холоду. Нищета...» [7, т. 1, 32]. Закономерно вспоминаются «физиологии» русских «натуралистов», где также заявляет о себе «локальная образность», «эффект нагнетания сходных, однозначно окрашенных терминов и тропов» [5, 170], например при описании ночлежки Н. А. Некрасовым в «Повести о бедном Климе» (1841—1848): «В одну из таких квартир, называемых артельными, судьба привела нашего героя... Войдя в неё, он увидел множество стариков, старух, пожилых людей, детей женского и мужского полов в ветхих, полура-

зоданных рубищах <...> Сквозь дым крепких солдатских корешков и освещавшей комнату лучины герой наш увидел мужчин и женщин всевозможных видов и возрастов в лохмотьях и рубищах. Особенно много было детей» [8, т. 8, 38].

Как видно, у Н. А. Некрасова и у Неверова «изображаемая личность стоит перед готовой, застывшей, подавившей её действительностью» [9, 103]. Однако обращает на себя внимание *слово*, завершающее процитированный фрагмент очерка Неверова: «Нищета...». Это уже *вывод*, которого писатели «натуральной школы» избегали. Однако в целом поэтика произведения «дореволюционного» Неверова характеризуется тем, что «репродукция фактов преобладает над их укрупнением, над вымыслом и обобщением» [5, 103].

У нас нет сведений о том, что Неверов читал прозу Н. А. Некрасова, тематические схождения в этой сфере могли протекать в типологическом русле (объектом описания стали нищета, страдания обездоленных людей), но поэзия зрелого Н. А. Некрасова была усвоена им хорошо и любима. Брат Неверова, П. С. Скобелев, представил по этому поводу красноречивые воспоминания: «Осталось в памяти одно из его посещений, когда он прошёлся по двору, окинул грустным взглядом нашу убогую «недвижимость» и процитировал знаменитые некрасовские строчки:

Есть и овощ в огороде —
Хрен да луковица,
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица» [3, 84].

Литературоведы справедливо отмечали, что Некрасов не переставал «углубляться в крестьянскую жизнь, изучать народный характер, язык и поэзию» [10, 345]. Выдающийся поэт знал: «Для того чтобы писать о деревне, о народе, надо водвориться в деревне», так как именно она «питает поэзию» [11, 330].

Неверов сам был крестьянином, ему не нужно было *изучать* жизнь и язык деревни, этот писатель поначалу испытывал дефицит в другом — нехватку знаний, недостаток культурной информации, мастерства, и в этих сферах Некрасов многому учил начинающего литератора, был для него образцом. Именно поэтому в прозе Неверова дают о себе знать некрасовские поэтические интенции.

Без учёта некрасовской лирики (где грубая «проза жизни» непостижимым образом становилась настоящей (новой!) поэзией, где только самый чёрствый читатель не слышал *голос* искренне страдающего «концептированного автора» (термин Б. О. Кормана)), постижение Неверова-прозаика будет недостаточным (отметим, что в своих немногочисленных стихотворениях писатель *шёл* за Маяковским).

Создаётся впечатление, что опыт Некрасова-поэта был очень полезен Неверову-прозаику для установления равновесия между «индивидуальным психологическим рисунком» и «изображением коллек-

тивных социально-психологических импульсов» [12, 204]. Н. А. Некрасов соединил эти категории одним из первых, и опирался он при этом на такое родовое качество лирики, как *обобщение*, интерферирование «эмпирического», «эмоционального» и «философского» [13, 168] начал.

Можно предположить, что Неверов унаследовал поэтологические законы создания образа «слабого человека» («состояние, синонимичное гибельной усталости») [14, 45], новаторски развитый Некрасовым («Руки, что вывели борозды эти, / Высохли в щепку, повисли как плети...» («Несжатая полоса», 1854)). Неверов также создавал обобщённые образы русского крестьянина, чья трагическая жалоба стала высокой поэтической: «Господи, умру я... Прости мои грехи. Ребятишек моих не оставь... маленькие они... Хлебца им уроди побольше... Не веди старшине корову продавать за подати... А я уж, верно, умру» («Под песнь вьюги, 1908») [7, т. 1, 96]. Как здесь не вспомнить знаменитое некрасовское: «Кушай тюрю, Яша! / Молочка-то нет!» — «Где ж коровка наша?» — «Увели, мой свет». / «Барин для приплоду / Взял её домой...»!

Особое место в лирике Н. А. Некрасова и прозе Неверова занимают образы детей — ранимых и незащищённых. Оба писателя создавали в своих произведениях такую трагическую оппозицию, как *детство* (начало жизни) — *смерть* (её конец). Данная антиномия (ставшая *универсалией* при изображении жизни деревенской и городской бедноты) позволила с особой остротой показать и социальную несправедливость, и нарушение всех норм гуманизма, и бессилие взрослого человека, не имеющего возможности защитить, спасти ребёнка от голода и болезней.

И Н. А. Некрасов, и Неверов создали образ зыбкой *границы* между жизнью и смертью ребёнка, ставшего *обузой* для бедняка, однако состоявшаяся трагедия показывает всю глубину переживания этого человека, самого страдающего от голода, непосильного труда, а также акцентирует ощущение необратимости. Это с особой остротой показано, например, в некрасовском стихотворении «Гробок» (опубл. в 1850 г.):

А как было живо дитяtko,
То и дело говорилось:
Чтоб ты лопнуло, проклятое!
Да зачем ты и родился? [8, т. 1, 78].

С одной стороны, Неверов повторил одну из созданных Некрасовым моделей «бедного» детства, например, в рассказе «Дети» (1916) читаем: «Отец частенько советовал ему умереть: — Уми, брат, лучше будет. А Серёжке не хотелось умереть» [7, т. 1, 264]. Те же настроения в рассказе «Егорка родился» (1911): «Вон в углу ещё четверо, тоже дети. Переплелись руками, дышат друг другу в лицо. Наверно, зябнут. Хорошо если бы умерли. Встать поутру, а они лежат застывшие, синие, с мёрзлыми улыбками. Дескать, не беспокойся, тятенька, нам хорошо» [7, т. 1, 175].

Но в развязке рассказа, будто утравившись «расчеловечивания — желания смерти близким и даже детям» [5, 172] (что было обусловлено крайней нищетой, голодом, непреходящей усталостью), писатель показывает, как герой «возвращается» к естественным отцовским и человеческим чувствам, желая детям *жизнь*.

В ряду любимых писателей, изобразивших бытие бедноты (Помяловский, Решетников, Златовратский, Левитов, Писемский, Каронин-Петропавловский, Засодимский, Салов и др.), которых Неверов читал (и составлял «списки прочитанной <...> литературы» [15, 14], особо был выделен Г. И. Успенский, чьи очерки 1860—1880 гг., безусловно, стали очень важной школой для писателей конца XIX — начала XX вв. И здесь снова нужно вернуться к теме детства и связанной с ней оппозицией «ребёнок (начало жизни)» — «смерть (конец жизни)», представленной Г. И. Успенским с иной позиции (в сравнении с Н. А. Некрасовым и Неверовым).

Есть основания полагать, что Неверов был знаком с известным циклом очерков Г. И. Успенского «Власть земли» (впервые опубл. в 1882 г.), где обозначенная нами универсалия представлена именно с точки зрения «власти земли», вследствие которой древние законы земледелия (а не юридические нормы) жестко регулируют бытие крестьян. Вот что сообщает автор-повествователь очеркового цикла (напомним: писатель уезжал в деревню, жил в крестьянской избе и записывал в дневник свои впечатления от уклада русской сельской жизни): «В июле Авдотья родила, к ужасу мужа <...>, двоих девочек» [16, 195]; «Я нагнулся: от детей несло водкой... Водка была в рожках. Дети умерли в ту же ночь. Они были лишние, появление их нарушало расчёты и весь обиход труда» [16, 196]. Как видно, дети были принесены в жертву «экономическому расчёту», они умерли по воле родителей, которыми руководила «власть земли», заставлявшая крестьян убивать конокрадов, жениться «на идиотках» (опять же — по жесточайшему расчёту) и пр.

Г. И. Успенский в следующем фрагменте покажет (для сравнения) и многодетную беднейшую семью, где дети рождаются ежегодно, и родители из жалости и милосердия не наливают им в рожки вместо молока водки: «...им есть нечего, а она, добрая мать, утешает голодных детей сказками про Димитрия-царевича, который был красив, силен, умён и точь-в-точь походил красотой и силой на её Васютку, который так доволен <...> сидит с вытаращенными <...> глазами, на которых ещё не просохли слёзы от голода...» [16, 197].

Г. И. Успенский, по словам В. Г. Короленко (руководившего развитием Неверова-прозаика), был писателем, который «всей силой своего таланта продолжал призывать внимание общества ко всем вопросам народной жизни» [17, 314]. Одним из таких «вопро-

сов» был *школьный*, затронувший проблему народного образования.

Г. И. Успенский, периодически живший в деревне, наблюдал тяжелейший труд учителей, влачивших самое жалкое существование: «...вознаграждение учителя хуже, чем нищенское, так как всякий нищий точно так же, как и учитель, найдёт ночлег в чужом доме, найдёт и кусок хлеба, но деньгами соберёт гораздо более того несчастного гривенника, который платят (и всегда с издержками) учителю» [16, 109]. Неверов сам был беднейшим *школьным* учителем, и в своём творчестве он продолжил развитую Г. И. Успенским тему. В 1911 г. Неверов издаёт рассказ «Учитель Стройкин», где описываются физические и душевные терзания сельского интеллигента. В рассказе «Без цветов» (1913) так представлено место работы и обитания учителя: «тут стоит и школа грамоты. Внутри — грязь, теснота, сплошное убожество. Стёкла в окнах перебиты, рамы гнилые. Стены замазаны пылью, копотью, паутиной. В «классе» три парты <...> В заднем углу, рядом с печью, — дощатая перегородка. Это — «квартира» учителя с одним окном на пустырь <...> Поодаль от стола — книжный шкаф, несколько рваных учебников, две-три разбитых чернилницы, мышинный помёт» [7, т. 1, 115]. Если учитель Тяпушкин из очерка Г. И. Успенского «Выпрямила» (1885) нашёл утешение в созерцании Венеры Милосской, то учитель Неверова уже задаёт вопрос: «Кто виноват?» («Без цветов», 1916). Как видно, в данном случае сказываются и разные даты создания двух произведений, и «физическая точка зрения», то есть «положение в пространстве» [18, 19] субъекта речи: сторонний наблюдатель в очерках Г. И. Успенского и непосредственный участник изображённых событий, *рассказчик* из неверовских произведений о школе и учителе.

В очерках Г. И. Успенского, во многом первооткрывателе (литературном) сельского бытия, «постоянно присутствуют древнейшие мифологемы: земля, вода <...> подчёркивается полнейшая закономерная и справедливая зависимость человека от земли» [19, 13]. «Крестьянские» циклы очерков Г. И. Успенского действительно создаются во многом за счёт активизации *мифологического* мышления, утверждающего народные ценности, поэзию земледельческого труда, эстетику универсализации веками утверждавшейся «власти земли». Писатель воспел земледельческий труд, восхитился «народным» календарём, что не помешало ему показать и пороки деревенской жизни: пьянство, «массовое драньё» взрослых мужиков (безропотно переносящих это унижение), тяжелейший труд крестьян, вынужденных «пахать, ходить по кочкам за сохой или плугом и напрягать свои силы до степени лошадиных» («Крестьянин и крестьянский труд», впервые опубликовано в 1880 г.).

Можно найти сходные *тропы* и *фигуры* в произведениях двух писателей, чем подтверждается то,

что Неверов во многом следовал за Г. И. Успенским, учился у него. Например, на ироничное описание «остроумной утки» («Крестьянин и крестьянский труд»), которая «тщательно скрывала, куда кладёт яйца», Неверов *откликнулся* сходным «анималистическим» эпитетом: «Из-под колоды с гнезда выглядывала жёлтая курица, удивлённая появлением незнакомого человека» («Радость», 1916). «Остроумная утка» Г. И. Успенского и «удивлённая» курица Неверова, конечно, родственные поэтологические явления, указывающие на безусловное «доверие» художников «к первоосновам массовой народной жизни» [12, 210]. Однако не будем забывать, что Неверов — писатель другого поколения, «летописец» следующего этапа народной жизни. В. П. Скобелев, анализируя «новые» повести литераторов — современников Неверова (создателя повести «Ташкент — город хлебный», 1923) — «Падение Даира» (1923) А. Малышкина, «Железный поток» (1924) А. Серафимовича, «Бронепоезд 14—69» (1921) Вс. Иванова — отмечал, что «массовая народная жизнь представала здесь в категорически утверждающемся единстве, которое исключало сколько-нибудь действительное проявление индивидуальной воли, если она не совпадает с устремлениями коллектива». Таким образом, события, изображённые в повестях, «приобретали подчёркнуто тотальный характер» [12, 210] — такие требования предъявляла новая эпоха. Казалось бы, тот же пафос и в очерках Г. И. Успенского и отчасти в поэзии Н. А. Некрасова, но Неверов (художник, вышедший из «низов») и его современники не просто искренне и страстно сочувствовали народу. Будучи неотъемлемой его частью, эти художники остро ощущали и кризис многих составляющих указанных «первооснов», и грозно надвигающиеся следствия кризиса: революции и войны. Когда читаем рассказ Неверова «На земле» (1910), то понимаем, что жизнь настойчиво требовала социальных изменений, так как измождённый «шестнадцатилетний мужик Федька» в прямом смысле слова «выбил из сил» (как и любой другой бедный «мужик»): «Лошадь останавливается, соха падает на бок. Федька садится в борозду. Снова ставит соху, снова упирается грудью, натягивает мускулы, а через полчаса опять садится на отдых. Сидит, точно подстреленный» [7, т. 1, 124]. Как видно, *человек, животные*, крестьянский *инвентарь* изображены в едином локусе «невыживания», в *мёртвой зоне*: лошадь, соха, сам Федька исчерпали запас *терпения*, физических *сил* (прочности, поддерживаемой знаменитой «властью земли»).

Неверов в течение революций и войн изображал человека из «масс», и подавляющее большинство его произведений отмечены рефлексией, направленной на фиксирование человеческого страдания по поводу острой нехватки необходимого — пищи, одежды, земли, книг и связанных с книгами знаний, культуры, самоуважения. Однако совершенно очевидно, что со

временем в произведениях писателя появляются настроения надежды и веры в то, что страдания должны вознаградиться, и человек в новых исторических условиях обретает стойкость, позволяющую самому распоряжаться своей жизнью, *самоопределиваться* в сферах духовных и материальных.

В 1923 г. Неверов опубликовал свой главный труд — повесть «Ташкент — город хлебный», во многом автобиографическую. П. С. Скобелев так описывал причины путешествия в Среднюю Азию: «Наступило страшное для Поволжья лето 1921 г. Почти каждый день пыль, жаркое дыхание суховея. Ни капли дождя. Началось стихийное бегство населения в хлебные места — в Сибирь, в Среднюю Азию. Нашим семьям тоже нечего было есть. Решили ехать и мы. <...> Выехали 12 августа 1921 года. Ехали целый месяц... Всю дорогу Александр Сергеевич сильно болел малярией... В дороге мы видели много страшного. На остановках вагоны осаждались голодающими. <...> Оборванные дети с жадностью бросались на брошенные арбузные и дынные корки. ...Александр Сергеевич болезненно реагировал на детские мольбы, не мог в это время есть, отдавал нищим еду. <...> Поездка длилась два с половиной месяца. Вернулись больные, грязные, оборванные до живописности. Александр Сергеевич, помнится, вернулся в шляпе и в лаптях. Однако муку мы всё-таки привезли. Правда, добытого (А. Неверов привёз что-то около 15—20 пудов) хватило ненадолго, так как нужно было помогать родным и знакомым» [3; 89, 90].

Лично увиденное, пережитое, выстраданное трансформировалось в замечательную повесть, героем которой стал крестьянский мальчик Мишка Додонов. «Суровая необходимость» заставляет маленького крестьянина повзрослеть, совершить тяжёлое и опасное путешествие в Ташкент, «стараясь отвести от матери и меньших братишек голодную смерть» [20, 263]. Выстоявший и выживший в жестоких испытаниях, Мишка стал символом нового крестьянства (по представлениям Неверова), поэтому пафос повести (несмотря на её трагизм), конечно, жизнеутверждающий. Основная мысль (обретшая художественные формы) произведения сводится к тому, что личность «сильнее голода», даже если это «юный, совсем неопытный, только вступивший в жизнь Мишка Додонов» [5, 173].

* * *

Неверов, изобразивший жизнь сельской и городской бедноты, конечно, ориентировался на признанных классиков, на своих знаменитых предшественников: Н. А. Некрасова, Г. И. Успенского — художников «переходного» времени. У Неверова, как и у его выдающихся «наставников», можно найти и очерковый (прерывистый) психологизм, и устремлённость к романной форме (что роднит его прозу с циклами Г. И. Успенского), и некрасовские «натуралистич-

ность», эмблемность образов (что отразилось на композиции очерков и рассказов Неверова). Однако, в конечном итоге, Неверову довелось увидеть и описать ту «пору прекрасную», о которой сказал в своё время Н. А. Некрасов. Народ действительно «проложил» новую «дорогу», и Неверов изобразил тот период русской истории, когда индивидуальные и общие «социальные инстинкты» входили в сложные диалектические отношения со сложившейся «логикой революционной борьбы» [21, 149]. Творческое наследие Неверова — это летопись «исторической устойчивости народного бытия» [21, 168], повествование и о зависимости человека от «власти земли», и о коррекции этой многовековой зависимости, и о тех известных и новых чертах народного характера, проявляющихся в кризисную («переходную») эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панкова-Скобелева А. С. Сестра о брате / А. С. Панкова-Скобелева // Александр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. — С. 8—11.
2. Скобелева-Неверова П. А. Штрихи былого / П. А. Скобелева-Неверова // Александр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. — С. 38—48.
3. Скобелев П. С. В трудную пору / П. С. Скобелев // Александр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. — С. 83—91.
4. Цит. по: Чалмаев В. А. Серафимович. Неверов / В. А. Чалмаев. — М.: Молодая гвардия, 1982. — 399 с.
5. Финк Л. А. О некоторых особенностях реализма Неверова / Л. А. Финк // Александр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. — С. 170—182.
6. Шпилевая Г. А. Динамика прозы Н. А. Некрасова / Г. А. Шпилевая. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. — 272 с.
7. Неверов А. С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1—4 / А. С. Неверов. — Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1958.
8. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 1—15. — Л.: Наука, 1981—2000.
9. Шпилевая Г. А. Жиль Блаз «Петербургских углов» (к вопросу о жанре и художественном методе романа Н. А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова») / Г. А. Шпилевая // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. № 1, 2004. — С. 87—111.
10. Жданов В. В. Некрасов / В. В. Жданов. — М.: Молодая гвардия, 1971. — 494 с.
11. Скатов Н. Н. Некрасов / Н. Н. Скатов. — М.: Молодая гвардия, 1994. — 411 с.
12. Скобелев В. П. Роман А. Неверова «Гуси-лебеди» в контексте русской советской прозы 20-х гг. (к вопросу о соотношении романа и повести) / В. П. Скобелев // Алек-

сандр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. — С. 201—234.

13. Сильман Т. И. Заметки о лирике / Т. И. Сильман. — Л.: Советский писатель, 1977. — 224 с.

14. Фаустов А. А. Очерки по характерологии русской литературы / А. А. Фаустов, С. В. Савинков. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. — 156 с.

15. Свидерский А. И. Два года в Озёрской школе / А. И. Свидерский // Александр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. — С. 12—22.

16. Успенский Г. И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 5 / Г. И. Успенский. — М.: ГИХЛ, 1956. — 494 с.

17. Г. И. Успенский в русской критике. — М.-Л.: ГИХЛ, 1962. — 524 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Шпилева Г. А., доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

Цзилиньский государственный педагогический университет (КНР) Скобелев Д. А., кандидат филологических наук, преподаватель

E-mail: 9alex04@mail.ru.

18. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. — М.: Просвещение, 1972. — 110 с.

19. Шпилева Г. А. Жанровая эволюция циклов очерков Г. И. Успенского («Нравы Растеряевой улицы», «Разоренье», «Власть земли») / Г. А. Шпилева. Автореф. ... канд. филол. наук. — Воронеж: ВГУ, 1993. — 18 с.

20. Шпилева Г. А. Мир детства в прозе А. Неверова / Г. А. Шпилева // Александр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. — С. 254—264.

21. Кизименко Н. Н. О нравственно-гуманистических исканиях Неверова-прозаика / Н. — Н. Кизименко // Александр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. — С. 138—169.

*Voronezh State Pedagogical University
Shpilevaya G. A., Doctor of Philology, Professor of the Chair of Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature*

*Jilin State Pedagogical University (PRC)
Skobelev D. A., Candidate of Philology, instructor
E-mail: 9alex04@mail.ru*